

С тех пор, как глава Юань Чжоу побывал у него, — то ли из-за того, что наведение порядка в дворцовых делах подошло к концу, то ли по какой другой причине, — в последнее время багровые следы постепенно сошли на нет. Даже если по вечерам они вырастали заново, то лишь в виде едва сдерживаемых, разрозненных и бледных пятнышек.

Весенние дни всегда пролетают быстро: стоило опасть тополиному пуху, как температура начала стремительно подниматься. Едва миновал четвертый месяц, летний зной уже вовсю дал о себе знать. И хотя по-настоящему жарким воздух еще не стал, в нем уже таилась удушливая истома, сопровождаемая далеким стрекотанием цикад.

Тун Жун ел медовую сливочную сушань, только что приготовленную на малой кухне, и лениво полулежал на кушетке гуйфэй. Скинув обувь, он неспешно перелистывал бухгалтерские книги, недавно доставленные из Сяньаосюаня.

Эта система учета была создана им на основе собственного опыта из современной жизни в сочетании с местными методами ведения записей, поэтому всё выглядело лаконично и понятно.

Страница за страницей Тун Жун удовлетворенно кивал: судя по всему, хотя в последнее время его самого на месте не было, Сяньаосюань продолжал работать бесперебойно, принося изрядный доход.

Перелистывая страницы книги, Тун Жун как раз водил пальцем по строчкам с цифрами, не заметив, как тонкий лист бумаги с узором из цветков персика выскользнул между страницами и спланировал к деревянным кломпам, возле которых валялась обувь.

Стоило дочитать книгу, как от съеденного в избытке сладкого навалилась легкая дремота.

Теплый ветерирок врывается сквозь узорчатое окно, где качались зеленые тени плакучих ивы, и температура была самой подходящей. Тун Жун бросил бухгалтерские книги на маленький столик, прислонился к кушетке и закрыл глаза.

Чай Шань, вошедший в главный зал, застал именно такую картину: спящая весенним сном прекрасная дева.

Гэр в лунно-белом халате раскинул по плечам копну иссиня-черных волос, погруженный в глубокий сон. Пара нефритовых стоп обнаженно выглядывала из-под подола халата, ослепительно белея.

Чай Шань шагнул вперед.

Тун Жун от природы обладал привлекательной внешностью, и ноги у него были изящно сложены: округлые, прелестные пальчики отливали розоватым, нежным румянцем, а подъем

стопы прикрывал уголок халата, создавая манящую полуобнаженность в духе откажусь, но приму.

Широкая смуглая ладони скользнула от кончиков пальцев вверх. Шершавая кожа ладони, привыкшая за годы к боевым искусствам, прошла по нежной плоти, вызывая волну робкого румянца.

Рука Чай Шаня замерла, и движения стали еще более трепетными.

Его кадык слегка дрогнул, а взгляд пылал страстью. Дюйм за дюймом глядя подъем стопы, он наконец обхватил изящную щиколотку.

Спящий перед ним был его супругом, старшим братом, с которым они вместе росли с малых лет, а еще — недостижимым небожителем в его сердце. Даже сейчас, когда Чай Шань поднялся на вершину Линфэн и занял самое высокое и могущественное положение во всей Великой Ся, он по-прежнему прегрешенно и нежно любил его, благоговей перед ним и не смея осквернить недостойным прикосновением.

Не смея осквернить, но безумно жаждая этого...

Стиснув щиколотку Тун Жун, Чай Шань бережно взял эту нефритовую стопу в ладони. Сдерживая дикое желание вобрать ее целиком в рот, он потянулся за обувью на клонках.

Кончики пальцев ощутили шуршащую текстуру, и, опустив взгляд, он увидел упавшую записку на исписанной цветами бумаге.

Не раздумывая, Чай Шань поднял послание, собираясь положить его на маленький столик, но два бросившихся в глаза иероглифа заставили его взгляд резко сузиться.

Нахмурившись, он впери в них взгляд.

Бумажное письмо было украшено оттиском цветков персика и несло на себе розоватый узор. Принюхавшись, можно было даже уловить легкий цветочный аромат, что само по себе выглядело очень приятно.

Вот только содержание оказалось отнюдь не приятным: уже само обращение в начале заставило Чай Шаня испытать глухое раздражение.

Автор письма использовал уменьшительное прозвище Сяо Цюн, а дальше шло сплошное излияние искренних чувств и сердечных терзаний, доходившее даже до клятв хранить обет безбрачия и до конца дней ожидать Тун Жун.

Подпись внизу выглядела до крайности нежно — там значилось: Старший брат Фэн.

Старший брат Фэн?! Тот самый Фэн Хуай, который целыми днями шляется вокруг с дурными замыслами и с первого же взгляда кажется последней сволочью!

Чай Шань мысленно выдал бурный поток ругательств в адрес Фэн Хуая, насквозь пропитанный субъективными предрассудками, после чего перечитал содержание записки еще дважды. Чем дальше он читал, тем сильнее разгорался его гнев.

Эту цидулю Брат Жун уже видел, но даже не разозлился и спокойно уснул?!

Сгорая от ревности и едва не теряя рассудок, Чай Шань со скомканным письмом в кулаке разъяренно нарезал несколько кругов посреди Дворца Цзяофан. Оглянувшись на мирно и безмятежно спящего Тун Жун, он почувствовал, как в груди одновременно кипят злость, ревность и зудящее томление.

Свирепо швырнув записку в нижний ящик маленького столика, он перевел взгляд на Тун Жун, и в его глазах блеснул смутный, нечитаемый огонек.

Проснувшись, Тун Жун обнаружил, что солнце уже клонится к закату.

Одежда выглядела какой-то растрепанной, поза тоже изменилась — он весь забился в самый угол кушетки гуйфэй, свернувшись калачиком.

Не придавая этому значения, он оперся о спинку, собираясь подняться, как вдруг резко ощутил, что в одном весьма интимном месте что-то не так.

Тун Жун широко раскрыл глаза, прикусил губу и поднялся, направляясь за ширму из пионов, предназначенную для переодевания.

День клонился к вечеру, а без приказа слугам не позволялось приходить и зажигать огни, поэтому во Дворце Цзяофан стоял полумрак. Занятый осмотром своего тела, Тун Жун не заметил неподвижную человеческую фигуру, затаившуюся в углу.

Торопливо зайдя за ширму, он развязал халат, обнажая тонкое белое нижнее белье, и даже не подозревал, что чья-то фигура уже бесшумно замерла по другую сторону перегородки.

Пионовая ширрма из узорчатого шелка кэсы состояла из девяти небольших створок, между которыми оставались крошечные зазоры. Если придвинуться ближе, то сквозь них смутно проступало то, что происходило за преградой.

Человек за ширмой развязал нижнее белье, и последняя одежда медленно соскользнула вниз.

Человек перед ширмой сжал кулаки, а ладони покрылись испариной.

Сегодня ровно в 9 вечера выйдет вторая глава!

Прошу добавить в избранное и оставить комментарии! Всем воздушные поцелуи!

Глава 5

Юйтаоэрго

Сяо Минцзы под пытками

Между склонами двух нефритовых гор должен был белеть нежный персиковый оттенок, но неизвестно почему там алел след багрового кровоподтеку.

Тун Жун в смятении и тревоге раздвинул плоть, вытянул изящный указательный палец и легко коснулся саднящего и нежного места.

— Ссс...

Словно кто-то в сердцах яростно вгрызся туда, оставив после себя ноющий след.

Эту сцену отчетливо наблюдал тот, кто прятался за ширмой.

Застыв в столь непристойном положении и пытаясь сообразить, что же все-таки произошло, Тун Жун вдруг услышал скрип входной двери в зале.

Вздрагнув, он торопливо отпустил руку, подхронил упавший халат, наскоро накиннул его и выскочил из-за ширмы.

Дворец Цзяофан был совершенно пуст — ни единой души.

Ветер подул, что ли?..

Тун Жун медленно опустился на кресло, и его тело внезапно окаменело.

<http://bllate.org/book/26517/3174176>